

къ недавнему прошедшему высказалось въ самые первые годы прошлаго царствованія, и затѣмъ наводнившіе литературу историческіе документы разнаго рода больше и больше разъясняли эпоху, за которою слѣдовалъ періодъ преобразованій и которая сдѣлала преобразованія особенно настоятельными. Время было характеристическое; николаевская система въ свое время въ огромной массѣ общества считалась наилучшей, почти идеальной государственной системой, далеко превосходящей всякія европейскія учрежденія; на «гниющую» Европу смотрѣли съ пренебреженіемъ, — исторія послужила повѣркой этого идеала. Съ новаго царствованія, съ половины пятидесятихъ годовъ начинается небывалое прежде развитіе публицистики, поднятой въ особенности первыми заявленіями о крестьянской реформѣ: она ввела въ литературное обращеніе множество разнообразныхъ и существенно важныхъ вопросовъ внутренней жизни (а также и внѣшней политики) и сдѣлала много усилій къ тому, чтобы распространить въ обществѣ здравое пониманіе совершающихся фактовъ.

Таковы были успѣхи нашего историческаго знанія за послѣдніа двадцать-пять лѣтъ. Въ немъ еще слишкомъ много едва начатаго, недоуланнаго; много фактовъ остается собирать, критикѣ много дѣла надъ ихъ правильнымъ анализомъ, — тѣмъ не менѣе, оно и теперь дало богатый запасъ свѣдѣній, особливо сравнительно съ прежнимъ. Многие, и важныя, періоды и явленія нашей исторіи положительно впервые вошли въ историческую книгу, т. е. русская научная и общественная мысль впервые знакомилась нѣсколько полно съ прошедшимъ, могла отдавать себѣ отчетъ въ смыслѣ собственной исторической жизни. Правда, много остается еще труда впереди: общее положеніе науки, полу-признаваемой, не обезпеченной отъ всякихъ случайностей связано конечно съ непривычкой къ свободной критикѣ въ самомъ обществѣ, и поученія исторіи слишкомъ часто остаются безплодны.

Съ тѣмъ или другимъ пониманіемъ исторіи соединяются, конечно, и различные взгляды на современное положеніе вещей. На исторіографію распространилось дѣленіе общественныхъ партій; главнымъ пунктомъ дѣленія остается, еще съ сороковыхъ годовъ, отношеніе къ Петровской реформѣ, отрицаніе которой и вообще предпочтеніе старины новымъ временамъ считается признакомъ «самобытнаго» національнаго взгляда. Мы видѣли также, что инымъ защитой національнаго достоинства кажется даже